K27 02/34
1812-13

К 27 02/34

Письма

кн. Кутузова-Смоленскаго,

къ

Калужскому городскому головѣ

И. В. Меньшому Горубаеву

въ 1812-13 годахъ.

Собралъ В. Ассоновъ.

Съ портретомъ Горубаева.

Цѣна 20 коп.

КАЛУГА
Тип. Е. Г. Архангельской.
1912.

К27 02/34

К27 02/34

Письма

кн. Кутузова-Смоленскаго,

гр. Милорадовича и кн. Волконскаго

къ

Калужскому городскому головѣ

Ивану Викуличу Меньшому Горубаеву

и

къ Калужскимъ купеческому и мѣщанскому обществамъ

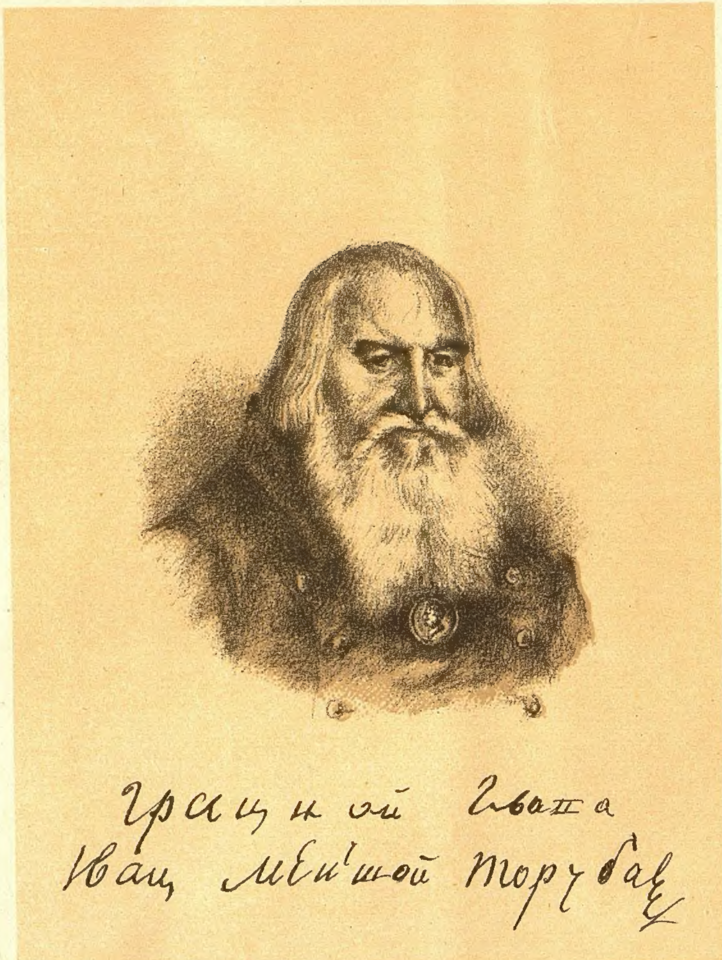
въ 1812--13 годахъ.

Собралъ В. Ассоновъ.

Съ портретомъ Горубаева.

КАЛУГА
Тип. Е. Г. Архангельской
1912.

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
6417
27-III-1929
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ
БИБЛИОТЕКА



КАЛУЖСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ.

Предисловіе.

Предлагаемыя вниманію читателей письма кн. Кутузова-Смоленскаго, гр. Милорадовича и кн. Волконскаго къ Калужскому городскому головѣ Ивану Викуличу Торубаеву и къ Калужскому купеческому и мѣщанскому обществамъ, относящіяся ко времени Отечественной войны, заимствованы изъ разныхъ источниковъ: изъ сочиненій: Зельницкаго—*„Описаніе происшествій 1812 года, случившихся въ предѣлахъ Калужской губерніи“*. Москва 1815 года; Тихонова—*„Пораженіе французовъ на Сѣверѣ“*. Москва 1814 г.; изъ архивныхъ дѣлъ Калужской городской управы за 1812 г. Кромѣ того, копіи писемъ: кн. Кутузова изъ Вильны отъ декабря 1812 г., адмирала Шишкова изъ мѣст. Раціонжъ отъ 23 января 1813 г. и кн. Волконскаго отъ 7 апрѣля изъ Бунцлау – сообщены намъ г. С. Н. Пѣтуховымъ, изъ Москвы. Послѣднихъ ни въ копіяхъ, ни въ оригиналахъ въ калужскихъ архивахъ не отыскано.

Портретъ И. В. Торубаева представляетъ собою копію съ портрета масляными красками, хранящагося въ Калужскомъ Историческомъ Музеѣ. Въ Калужской городской Думѣ портретовъ Калужскихъ городскихъ головъ, за исключеніемъ одного, относящагося къ послѣднему времени,—неимѣется.

В. Ассоновъ.

ПИСЬМА

Кн. Кутузова-Смоленскаго и другихъ полководцевъ къ Калужскому городскому головѣ Ивану Викуличу Меньшому Торубаеву *) и къ Калужскому купеческому и мѣщанскому обществамъ въ 1812—13 годахъ.

Прежде чѣмъ познакомить читателя съ такими письмами, необходимо сказать нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ появленіе ихъ. Первое письмо кн. Кутузова къ Торубаеву, отъ 22 сентября 1812 года изъ Тарутина, было написано въ отвѣтъ на заявленіе жителей Калуги, находившихся подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ грозныхъ событій Отечественной войны, которыя заставили ихъ особенно опасаться за цѣлость города. Опасенія эти имѣли основанія. Имъ было уже извѣстно, что непріятель проходя чрезъ русскіе города и селенія, относился безпощадно къ собственности населенія и жестоко расправлялся съ ея защитниками.

Ходъ событій былъ таковъ. Въ первый періодъ войны, отличавшійся вообще успѣхами непріятеля, когда военныя дѣйствія съ запада Россіи были перенесены въ губерніи, сосѣднія съ Калужской—Смоленскую и Московскую, когда въ Калугѣ стало извѣстно, что 6 августа взятъ и разгромленъ Смоленскъ, когда дошли до нея вѣсти о печальныхъ результатахъ Бородинскаго сраженія и о страшной участи Москвы, отданной непріятелю 2 сентября безъ боя,— населеніе губерніи и, въ особенности, Калуги, стало сильно опасаться за свою участь. Ввиду такихъ опасеній мѣстныя губернскія и уѣздныя власти приняли чрезвы-

*) И. В. Меньшой Торубаевъ былъ Калужскимъ городскимъ головой съ 1810 по 1814 годъ. Калуга въ это время имѣла болѣе 23 тыс. жителей, причемъ купцовъ всѣхъ трехъ гильдій, судя по тогдашнему списку, было 545, а вмѣстѣ съ ихъ семьями—2157 д. об. п; мѣщанъ и ремесленниковъ 6907, а съ ихъ семьями до 10 т., ямщиковъ 577, духовнаго званія 914, не считая семей двухъ послѣднихъ сословій. Дворяне, военные и разночинцы составляли остальное населеніе.

чайныя мѣры для спасенія и защиты имущества, принадлежащаго казнѣ, церквамъ, городамъ и разнымъ учрежденіямъ. Такъ всѣ болѣе или менѣе важныя дѣла и документы, денежныя суммы, цѣнное церковное имущество (наприм. утварь), военные запасы и артиллерійскіе парки, запасы хлѣба и вина, движимое имущество большей части жителей — все было приготовлено къ вывозу изъ города или къ уничтоженію, какъ наприм. хлѣбъ и вино. Наиболѣе же тревожное время для Калуги наступило тогда, когда до нея стали доходить противорѣчивыя вѣсти о движеніи оставившей Москву русской арміи, направившейся сперва по Рязанской, а затѣмъ по старой Калужской дорогѣ, и объ отступленіи ея передъ непріятелемъ къ Тарутину. Когда же стало извѣстно, что Наполеонъ, при отступленіи изъ Москвы, намѣтилъ Калугу какъ главный пунктъ, къ которому должна стремиться его армія и изъ котораго онъ намѣренъ былъ, смотря по обстоятельствамъ, идти на Тулу или на югъ въ черноземныя губерніи, или, наконецъ, пробраться къ Смоленску—страхъ передъ нашествіемъ французовъ значительно усилился. Подъ вліяніемъ этого страха и при видѣ массы скопившихся въ городѣ больныхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ, плѣнныхъ, населеніе Калуги мало обращало вниманія даже на успѣхъ нашихъ отдѣльныхъ отрядовъ, наприм. Милорадовича при д. Чернишнѣ, на успѣшную дѣятельность пограничныхъ съ Смоленской и Московской губ. кордоновъ и ополченія, доставлявшихъ въ Калугу сотни плѣнныхъ. Наконецъ по городу разнеслась вѣсть, что 20 сентября Кутузовъ занялъ крѣпкую позицію на р. Чернишнѣ, бл. с. Тарутина, откуда онъ могъ наблюдать за движеніемъ отступающей непріятельской арміи и, въ случаѣ надобности, дать ей отпоръ, если она будетъ направляться по новой Калужской дорогѣ, на Калугу. Въ это самое время 21 сентября прибылъ изъ Калуги въ главную квартиру, находившуюся тогда въ томъ же селѣ, гласный Калужской думы, куп. Муромцевъ. Онъ привезъ съ собою 1 п. 16 ф. корпіи, пожертвованной Калужскими жителями и 15,600 арш. рубашечнаго холста для компрессовъ, скупленнаго у мѣстныхъ торговцевъ на сумму 4,212 руб. ас. При этомъ Муромцевъ, по порученію гражданъ, долженъ былъ освѣдомиться у главнокомандующаго о мѣрахъ, ка-

кія слѣдуетъ принять городу при наступленіи опасныхъ для его благополучія обстоятельствъ.

22 сентября кн. Кутузовъ отправилъ Муромцева обратно въ Калугу и вмѣстѣ съ нимъ послалъ Торубаеву письмо слѣдующаго содержанія:

Государь мой Иванъ Викуличъ!

Похвальное усердіе ваше, сопряженное съ предосторожностію, при настоящихъ обстоятельствахъ необходимою, поставило меня въ пріятной долгъ изъявить вамъ мою признательность, съ тѣмъ вмѣстѣ я прошу васъ успокоить жителей города Калуги и увѣрить, что состояніе арміи нашей какъ было, такъ и есть въ благонадежномъ положеніи. Силы наши не только сохранены, но и увеличены, и надежда на вѣрное пораженіе врага нашего насъ никогда не оставляла. Гражданинъ вашъ г. Муромцевъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ невыгодъ непріятеля, какія встрѣчаетъ онъ на каждомъ шагу. Истребленіе силъ его, недостатокъ въ продовольствіи и совершенная гибель предстоитъ ему неизбѣжно, и затѣмъ лѣта мои и любовь къ отечеству даютъ мнѣ право требовать вашей довѣренности, силою коей увѣряю васъ, что городъ Калуга есть и будетъ въ совершенной безопасности. Теплыя ваши молитвы къ Всевышнему и храбрость войска нашего будутъ имѣть слѣдствіемъ того удовольствія, какого я надѣюсь, и которое къ общему обрадованію послѣдуетъ вслѣдъ за кампаніею, въ непродолжительномъ времени прекратиться долженствующею. Имѣю честь быть

Государь мой!

Вашъ усердный князь Михаилъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Село Тарутино
Сентября 22 дня, 1812 года.

Послѣ отправки этого письма Торубаеву, въ Тарутинскомъ лагерѣ или, лучше сказать, въ главной квартирѣ, перенесенной Кутузовымъ въ д. Леташевку, произошло важное событіе: 23 сентября пріѣзжалъ къ главнокомандующему генералъ-адъютантъ Наполеона-Лористонъ, бывшій ранѣе французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ.

Онъ привезъ съ собою письмо Наполеона къ Императору Александру съ предложеніемъ мирныхъ условій. Лористону было очень трудно добиться пропуска къ Кутузову, но послѣ нѣкоторыхъ задержекъ онъ былъ имъ принятъ. Посланецъ Наполеона сперва хотѣлъ, чтобы ему дали возможность проѣхать въ Петербургъ и лично отвезти къ Государю это письмо, но Кутузовъ такого разрѣшенія не далъ, а предложилъ отправить письмо съ кн. Волконскимъ, на что Лористонъ и согласился. Прошло двѣ недѣли, а Императоръ не только не отвѣтилъ Наполеону на его письмо, но прислалъ Кутузову выговоръ за то, что онъ позволилъ пріѣхать въ свой лагерь генералу враждебной арміи. Когда стало, такимъ образомъ, извѣстно, что Кутузовъ не уполномоченъ вести мирные переговоры и надежды на миръ нѣтъ, Наполеонъ рѣшилъ покинуть Москву и начать свое роковое отступленіе изъ нея.

Между тѣмъ жители Калуги, успокоенные письмомъ кн. Кутузова, отправили къ нему въ лагерь, для принесенія благодарности за такое заботливое отношеніе къ нимъ, двухъ гласныхъ - куп. Елисѣева и Лебедева, при чемъ съ ними были посланы разные „дары и пожертвованія въ пользу арміи“, въ томъ числѣ и партія корпіи отъ калужскихъ женщинъ. Кутузовъ принялъ представителей Калуги ласково, говорилъ имъ о бѣдственномъ положеніи непріятельской арміи и увѣрялъ, что она скоро потеряетъ всякую возможность противустоять русскимъ войскамъ. При этомъ Кутузовъ заявилъ, что Калуга находится пока въ совершенной безопасности. Елисѣевъ и Лебедевъ, въ бытность свою въ Тарутинѣ 29 сентября, были свидѣтелями, какъ туда начали вступать многочисленные полки донскихъ казаковъ. На другой день калужане уѣхали изъ Тарутина, при чемъ Кутузовъ послалъ съ ними Торубаеву письмо слѣдующаго содержанія:

Государь мой
Иванъ Викуличъ!

Съ сердечною признательностью, сопряженною съ полнымъ удовольствіемъ, вижу я усердіе ваше къ любезнѣйшему отечеству нашему, и присовокупляя теплыя молитвы мои къ вашимъ, прошу Всевышняго о ниспосланіи помощи оруж-

жію нашему на пораженіе и конечный ударъ коварному врагу, вступить на землю русскую дерзнувшему. Въ настоящее время мы видимъ во изобиліи къ намъ милость Божію: злодѣи наши со всѣхъ сторонъ окружены, свободный выѣздъ изъ стана, партіями, отъ насъ вездѣ посланными, совершенно воспрещенъ; люди и лошади изнуряются голодомъ, и каждый день во всѣхъ мѣстахъ убитыми и плѣнными теряютъ они до 500 человѣкъ, что подтвердить могутъ и граждане ваши гг. Елисѣевъ и Лебедевъ. Послѣ чего вы видите, что молитвы наши услышаны, и что Всевышняго десница ниспосылаетъ къ намъ благословеніе свое, которое, при непрерывныхъ восклицаніяхъ нашихъ къ Царю Царей усилясь, доставитъ намъ новое доказательство, сколь много отечество наше имъ хранимо и сколь мало непріятель найдетъ случай гордиться долговременною поверхностію надъ войсками Богомъ намъ даннаго Всеавгустѣйшаго Монарха.

Прошу изъявить мое усердіе обществу вашему и благодарность супругамъ за доставленіе корпіи. Черта столь похвальнаго усердія по всѣмъ отношеніямъ достойна однихъ только ихъ. Съ истиннымъ уваженіемъ пребуду навсегда

Вашъ усердный князь Михаилъ Г.-Кутузовъ.

Сентября 30 дня, 1812 года.
Село Тарутино.

Одновременно съ письмомъ Кутузова, того же 30 сентября, Торубаевъ получилъ также отъ ген. Милорадовича письмо такого содержанія:

Почтеннѣйшій Калужскій градскій Голова!

Съ особеннымъ удовольствіемъ поспѣшаю благодарить васъ за письмо ваше и за хлѣбъ-соль, доставленную отъ имени Калужскаго гражданства. Весьма пріятно мнѣ получить ее отъ сословія, столь много отличившаго себя въ настоящее время истинною любовію къ отечеству и ни щадящаго никакихъ пожертвованій для пользы и славы его къ пораженію общаго врага. Всевышній благословитъ усилія наши молитвами вашими къ Нему, Подателю всѣхъ благъ. Даровалъ онъ мнѣ побѣду на самой границѣ вашей губерніи, въ 22-й день сего сентября. Врагъ потерпѣлъ тутъ сильное пораженіе отъ войскъ нашихъ, подъ моимъ началь-

ствомъ, и съ того времени понынѣ не сдѣлалъ шагу впередъ. Армія его претерпѣваетъ голодъ и всякую нужду. Скитаясь по селеніямъ, ищетъ она себѣ пропитанія; но и тутъ не только войска наши, но и самые крестьяне Калужской губерніи, вооружась во имя Божіе, истребляютъ нечестивыхъ, дерзнувшихъ осквернить храмы Господни. Плѣнныхъ ежедневно приводятъ цѣлыми толпами.

Я къ порадованію жителей Калужскихъ посылаю вамъ тутъ же копію съ приказа, отданнаго свѣтлѣйшимъ княземъ о пораженіи непріятеля при городѣ Верей, и желая вамъ, всѣхъ благъ, пребуду навсегда съ душевнымъ почтеніемъ

Г. Михаилъ Милорадовичъ.

30 сентября, 1812 г.
Село Тарутино.

Упоминаемая въ настоящемъ письмѣ побѣда генер. Милорадовича, одержанная надъ непріятелемъ 22 сентября, заключалась въ слѣдующемъ:

Когда наша армія, по выходѣ ея изъ Москвы, отступивъ, сперва по Рязанской, а затѣмъ по старой Калужской дорогѣ, перешла р. Нару и вступила 20 сентября въ Тарутинскій лагерь, въ 80 верстахъ отъ столицы, Мюратъ предпринялъ наступательныя дѣйствія противъ аріергарда русской арміи, подъ начальствомъ ген. Милорадовича, находившагося на той же Калужской дорогѣ, отъ с. Воронова къ с. Спасъ-Купля. Милорадовичъ, одновременно съ отступленіемъ главной арміи, также отступалъ сперва къ этому послѣднему селенію, а затѣмъ, 22 сентября, занялъ позицію при д. Чернишнѣ, лежащей при рѣчкѣ того же имени. Здѣсь онъ и далъ отпоръ преслѣдовавшему его непріятельскому отряду. Завязался бой. Мюратъ нѣсколько разъ мѣнялъ пункты атаки, но всегда безъ успѣха. Кавалерія и артиллерія Милорадовича дѣйствовала отлично и нанесла сильный уронъ непріятелю, который потерялъ, кромѣ значительнаго числа убитыми,—плѣнными 10 офицеровъ и болѣе 150 нижнихъ чиновъ. Не смотря однако на эту неудачу, Мюратъ не очистилъ своей позиціи при р. Чернишнѣ, простоялъ на ней еще двѣ недѣли пока, какъ мы сейчасъ увидимъ, послѣ Тарутинскаго боя, 6 октября, не отошелъ по той же дорогѣ къ с. Спасъ-Купля. Послѣ столкновенія съ Мюратомъ, при уборкѣ раненыхъ,

Милорадовичъ имѣлъ съ нимъ свиданіе, при чемъ Мюратъ завелъ рѣчь о томъ, что не пора ли врагамъ заключить миръ. Нашъ генералъ на это рѣзко отвѣтилъ, сказавъ: „если заключатъ миръ, то я первый сниму съ себя мундиръ“.

Въ приказѣ по арміямъ кн. Кутузова, копію съ котораго прислалъ Милорадовичъ, говорится: „Господинъ генералъ-маіоръ Дороховъ, командированный съ отрядомъ войскъ къ городу Верею, 29 сентября, въ 5 часовъ утра, овладѣлъ оною штурмомъ. Непріятель, въ немаломъ числѣ находящійся въ укрѣпленіи, выстроенномъ на возвышеніи, пяти сажень высоты, обнесенномъ полисадами, храбрыми нашими войсками въ полчаса приведенъ не въ состояніе противиться. Взяты въ плѣнъ: комендантъ, 14 штабъ и оберъ офицеровъ, 370 рядовыхъ и одно знамя“.

Въ то время, когда русская армія совершала свои переходы отъ Москвы до Тарутина, т.-е. съ 2 по 20 сентября, а затѣмъ пріобрѣла прочную позицію въ Тарутинскомъ лагерѣ, гдѣ она, подкрѣпленная значительными отрядами свѣжихъ войскъ, простояла до 11 октября, Наполеонъ съ нѣсколькими корпусами главной своей арміи находился, до 7 октября, въ Москвѣ и, повидимому, считалъ свое положеніе на столько прочнымъ, что собирался даже зимовать въ ней. Онъ надѣялся, что предложенныя имъ мирныя условія будутъ приняты русскимъ государемъ. Онъ проявлялъ необыкновенную дѣятельность: посѣщалъ театръ, дѣлалъ своей гвардіи разводы въ Кремлѣ, устраивалъ смотры войскамъ, расположеннымъ вблизи города, получалъ донесенія маршаловъ о дѣйствіяхъ ихъ корпусовъ, находящихся далеко отъ Москвы въ завоеванныхъ имъ русскихъ губерніяхъ и областяхъ и въ то же время, издавалъ приказы по арміямъ и декреты по дѣламъ внутренняго управленія Франціи. Между тѣмъ французская армія начала приходить въ разстройство во всѣхъ отношеніяхъ: дисциплина падала, въ продовольствіи чувствовался большой недостатокъ, въ фуражѣ—также. Добывать то и другое сдѣлалось день ото-дня труднѣе и наконецъ стало невозможнымъ не только въ Москвѣ, но, главнымъ образомъ, въ губерніяхъ, гдѣ стояли или проходили непріятельскія войска. Поднялась народная война;

французовъ, искавшихъ хлѣба или корма для лошадей— крестьяне и партизаны ловили, забирали въ плѣнъ или убивали. Иногда они вступали въ бой съ цѣлыми непріятельскими партіями.

Кн. Кутузовъ зналъ все это и доносилъ Государю, что непріятельская армія находится въ крайне тяжеломъ положеніи: солдаты прямо голодаютъ, лошади отъ недостатка корма падаютъ сотнями. Наступившіе холода сильно отразились на здоровьѣ, сравнительно легко одѣтыхъ солдатъ, а въ особенности на положеніи больныхъ и раненыхъ, среди которыхъ смертность значительно увеличилась. Такое состояніе непріятельской арміи было благопріятно для русской, снабженной въ достаточномъ количествѣ хорошимъ провіантомъ, теплой одеждой и фуражомъ, воодушевленной жаждою мести за безчисленныя несчастія и разоренія, причиненныя ея родинѣ несправедливой войной, такъ легкомысленно начатой Наполеономъ.

Въ первыхъ числахъ октября кн. Кутузовъ получилъ высочайшее повелѣніе объ открытіи наступательныхъ дѣйствій. Ему было уже извѣстно, что въ верстахъ семи отъ Тарутина, на правомъ берегу р. Чернишны, стоялъ Мюратъ со всею резервною кавалеріей и четырьмя пѣхотными дивизіями польскихъ войскъ кн. Понятовскаго, всего численностью до 26 тыс. человѣкъ. Отрядъ былъ расположенъ въ далекомъ разстояніи отъ главной французской арміи и другихъ ея отрядовъ, а потому представлялось много шансовъ для успѣшной атаки его. Кн. Кутузовъ воспользовался такимъ положеніемъ непріятеля и поручилъ гр. Беннигсену съ частью русской арміи, утромъ съ 5 на 6 октября, а таковать его. Для этого было условлено, что гр. Орловъ-Денисовъ съ 10 казачьими полками зайдетъ непріятелю въ тылъ, чтобы отрѣзать ему путь къ отступленію, а ген. Багговутъ, гр. Остерманъ и гр. Строгановъ одновременно съ нимъ атакуютъ лагерь съ фронта. Вышли какія то недоразумѣнія между начальствующими и гр. Орловъ-Денисовъ со своими казаками вступилъ въ дѣло раньше, чѣмъ слѣдовало, его хотя внезапное нападеніе имѣло блестящій успѣхъ: французы, ошеломленные нападеніемъ казаковъ, смѣшались, бросились бѣжать, оставивъ казакамъ 38 орудій, почти весь обозъ и нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Вскорѣ однако непріятель оправился и всту-

пилъ въ дѣло съ остальными нашими отрядами, подошедшими къ лагерю позднѣе. Завязался сильный бой, кончившійся тѣмъ, что Мюрату удалось быстро отступить къ с. Спасъ-Купля, чѣмъ онъ и спасъ свой отрядъ. Такимъ образомъ совмѣстная атака неудалась. Непріятель потерялъ, кромѣ орудій и обоза, до 2½ тыс. убитыми, въ томъ числѣ двухъ генераловъ и 1100 чел. плѣнными. Съ нашей стороны потери состояли изъ 500 чел. убитыми и ранеными; въ числѣ убитыхъ находился и ген.-лейт. Багговутъ, одинъ изъ лучшихъ генераловъ русской арміи*).

Тарутинское сраженіе стало знаменитымъ потому, что представляло собою первое, хотя и не совсѣмъ удачное, наступательное дѣйствіе русскихъ войскъ и первое, хотя частичное, пораженіе непріятеля, достигнутое сравнительно небольшою частью нашей арміи (въ дѣлѣ участвовало 5 тыс. пѣхоты и 7 тыс. кавалеріи) и при небольшой потерѣ съ нашей стороны. Оно подняло духъ нашей арміи и въ то же время поколебало вѣру въ неодолимость арміи Наполеона.

Наполеонъ въ тотъ же день въ Москвѣ узналъ о пораженіи Мюрата и это извѣстіе ускорило выходъ его изъ столицы. Уже на другой день, 7 октября, онъ выступилъ изъ нея со своею главною арміею, имѣвшею подъ ружьемъ болѣе 100 тыс. чел., съ громаднымъ обозомъ, состоящимъ изъ повозокъ, фуръ, телѣгъ съ военными снарядами и продовольствіемъ, съ награбленными вещами, сопровождаемый множествомъ лицъ разнаго званія. Все это двигалось по улицамъ, а затѣмъ по большой дорогѣ въ четыре ряда, на протяженіи 30 верстъ. Въ Москвѣ оставленъ былъ небольшой гарнизонъ подъ начальствомъ ген. Мортье. Собираясь оставить Москву, Наполеонъ съ притворнымъ энтузіазмомъ воскликнулъ: „Пойдемъ на Калугу и горе тѣмъ, кто осмѣлится заградить намъ дорогу“. Въ этихъ словахъ выразился весь планъ его отступленія. И дѣйствительно, изъ Москвы армія его направилась сперва по старой Калужской дорогѣ, а затѣмъ, свернувъ вправо, вышла у с. Фоминскаго на новую Калужскую дорогу, на которой она 10 октября заняла г. Боровскъ, почти безлюдный, такъ

*) Ген. Багговутъ похороненъ въ Калугѣ, на кладбищѣ Лаврентіева монастыря.

какъ жители заранѣе оставили его и вывезли почти все цѣнное имущество.

Наполеонъ, расчитывая ранѣе Кутузова занять дорогу на Калугу, выступилъ изъ города 11 октября, при чемъ авангардъ корпуса вице-короля итальянскаго, составлявшій дивизію Дельсона, 12-го утромъ занялъ уже Малоярославецъ, лежащій въ 20 верстахъ отъ Боровска на пути въ Калугу. Дельсонъ однако былъ вскорѣ вытѣсненъ изъ города войсками ген. Дорохова. Затѣмъ въ одно время стали подходить къ Малоярославцу изъ Боровска французскія, а изъ Тарутина русскія войска и вскорѣ вступили въ дѣло сперва Раевскій и Даву, а затѣмъ и остальные корпуса. Завязался на улицахъ и площадяхъ города отчаянный бой, во время котораго обѣ стороны проявили одинаковое ожесточеніе: семь разъ горѣвшій городъ переходилъ изъ рукъ въ руки и затѣмъ, наполненный убитыми и ранеными, остался за французами. Изъ 40 тыс. сражавшихся съ обѣихъ сторонъ пало почти поровну—по 5 т. человѣкъ. Когда темная ночь прекратила бой, Кутузовъ отодвинулся отъ Малоярославца на 2½ версты по дорогѣ къ Калугѣ, а непріятельскія войска, 13 октября оставивъ городъ, направились къ Боровску, чтобы оттуда черезъ Верею и Борисовъ выйти у Можайска на Смоленскую дорогу.

Въ то самое время, 14 октября же, русская армія, слѣдуя по новой Калужской дорогѣ, остановилась у с. Дѣтчина, въ 27 верст. отъ Калуги, а затѣмъ въ с. Полотняный Заводъ, лежащемъ на большой дорогѣ изъ Медыни въ Калугу. Приходъ нашей арміи въ Дѣтчино, гдѣ была и главная квартира ея, вѣсти полученныя отъ бѣжавшихъ изъ Малоярославца жителей о только что бывшемъ страшномъ побоищѣ въ городѣ, въ которомъ было сожжено изъ 200 домовъ 160, попытка непріятеля, хотя и неудачная, прорваться въ Калугу черезъ Медынь, снова сильно встрѣвожили ея жителей, большая часть которыхъ выселилась уже за Оку и тамъ, терпя всяческія лишенія отъ осенней непогоды, со страхомъ ждала какой оборотъ примутъ военныя дѣйствія, не подвергнется-ли ихъ городъ той же участи, какую испыталъ Малоярославецъ. Въ какомъ настроеніи находились жители, показываетъ уже тотъ фактъ, что въ городѣ церкви стояли цѣлые дни съ растворен-

ными дверями и были полны молящимися, служившими молебны объ избавленіи города отъ „огня и меча“. Ввиду такого настроенія калужанъ отъ нихъ были посланы въ главную квартиру нарочные съ цѣлію узнать дѣйствительное положеніе дѣлъ. Кн. Кутузовъ, войдя въ положеніе жителей Калуги, написалъ Торубаеву такое письмо:

Государь мой
Иванъ Викуличъ!

Именемъ моимъ поручаю вамъ успокоить купеческое и мѣщанское сословія, которыя, какъ я слышалъ, пустыми слухами приведены въ волненіе и опасность. Увѣрьте ихъ, что я ищу дать врагу сраженіе, но никакъ не ретируюсь, и что цѣль моя не въ томъ состоитъ, чтобы выгнать непріятелей изъ предѣловъ нашихъ, но чтобы, призвавъ въ помощь Всемогущаго Бога, изрыть имъ могилы въ нѣдрахъ Россіи. Уповайте на Бога, молите его о поддержаніи силъ и храбрости нашего воинства; исполняйте ваши обязанности и будьте покойны. Вы есте и будете защищены: въ томъ удостовѣряетъ васъ всегда доброжелательный и усердный

Князь Г.-Кутузовъ.

16 октября, 1812 г.
с. Полотняный Заводъ.

Узнавъ о содержаніи этого письма, а также получивъ свѣдѣнія о томъ, что французская армія, покинувъ Малоярославецъ и Боровскъ, направилась по другимъ дорогамъ на Смоленскъ, жители Калуги, послѣ сорокоднев-наго тревожнаго состоянія въ ожиданіи нашествія непріятеля, вздохнули свободно и стали перебираться изъ зарѣки въ городъ. Нѣкоторыя изъ мѣръ предосторожности были отмѣнены и городская жизнь мало-по-малу стала входить въ нормальную колею.

Въ тотъ самый день, когда непріятельская армія вышла на Смоленскую дорогу, 17 октября, Кутузовъ, убѣдившись по ходу событій, что Наполеонъ окончательно оставилъ свое намѣреніе идти черезъ Медынь на Калугу, выступилъ изъ Полотнянаго Завода къ с. Кременскому. Впереди этого села, у с. Егорьевскаго, стоялъ Милорадовичъ со своими пѣхотными и кавалерійскими

дивизіями, которыя, по приказанію Кутузова, должны были идти на Головино, по направленію къ Вязьмѣ, куда стремилась и непріятельская армія. Въ это время Милорадовичъ, будучи 18 числа въ с. Егорьевскомъ, нашелъ нужнымъ съ своей стороны утѣшить и обрадовать калужанъ, которыхъ онъ зналъ, когда въ іюлѣ формировалъ въ ней запасныя войска, слѣдующимъ письмомъ:

Почтеннѣйшіе жители города Калуги!

Имѣю честь извѣстить, что непріятель, шедшій на Калугу, былъ въ Маломъ Ярославцѣ опрокинутъ и обращенъ назадъ. Онъ поспѣшно бѣжитъ на Можайскъ и далѣе по той дорогѣ на Гжатскъ. Казаки передовые преслѣдуютъ; мой авангардъ форсированными маршами идетъ, чтобы перерѣзать ему дорогу. Богъ за насъ. Все благополучно.

Г. Михаилъ Милорадовичъ.

18 октября, 1812 г.
С. Егорьевское.

Во время поспѣшнаго отступленія французской арміи къ Смоленску, она на каждомъ шагу, съ обѣихъ сторонъ дороги подвергалась нападенію казачьихъ и партизанскихъ отрядовъ и партій вооруженныхъ крестьянъ. Со времени оставленія Кутузовымъ Полотнянаго Завода до начала ноября послѣдовалъ цѣлый рядъ пораженій непріятеля. Наиболѣе сильное изъ нихъ онъ понесъ 22 октября при Вязьмѣ. Здѣсь Милорадовичъ съ Платовымъ настигнувъ слишкомъ растянутую непріятельскую армію, отрѣзали корпусъ Даву и нанесли ему жестокое пораженіе. Въ упорномъ сраженіи при Вязьмѣ и въ самомъ городѣ, продолжавшемся 10 часовъ, у французовъ вышло изъ строя до 7 т. чел., въ томъ числѣ до 2 т. плѣнныхъ. Наши же потери состояли изъ 800 убитыхъ и 1000 раненыхъ. Городъ же былъ почти весь сожженъ.

Послѣ Вязьмы отступленіе непріятельской арміи сдѣлалось еще поспѣшнѣе. Кромѣ пораженій, недостатка въ продовольствіи и фуражѣ, наступило для нея новое бѣдствіе: выпалъ первый снѣгъ, поднялась вьюга и настали морозы, правда, еще не сильные, но уже нестерпимые для

сыновъ западной и южной Европы, особенно во время ночлеговъ на снѣгу, подъ открытымъ небомъ. Наполеонъ ѣхалъ среди войскъ уже не верхомъ на лошади, но въ закрытой каретѣ.

28 октября за Дорогобужемъ, вправо отъ Смоленской дороги Платовъ настигъ корпусъ вице-короля и на берегахъ р. Вопи, близъ г. Духовщины, почти весь истребилъ его. Самъ Кутузовъ продолжалъ свое боковое движеніе и проведя два дня въ г. Ельнѣ, выступилъ 29 октября на Рославльскую дорогу къ с. Балтутину, а оттуда перешелъ въ с. Лобково, гдѣ имѣлъ дневку. Здѣсь онъ 31 октября, вспомнивъ Калугу, нашелъ нужнымъ написать ея жителямъ слѣдующее, для нихъ историческое, письмо:

Калужскому купеческому и мѣщанскому обществамъ.

Въ соотвѣтствіе усердія вашего къ Государю Императору, любви и ревности къ общей пользѣ, вмѣняю въ пріятный долгъ увѣдомить васъ, что угрожаемый доселѣ непріятель и врагъ вѣры православной русскаго народа, предупрежденъ будучи въ предпріятіи своемъ ворваться въ Калугу, что извѣстно намъ изъ показаній плѣнныхъ генераловъ, а не менѣе изъ того движенія, при каковомъ встрѣченъ онъ подъ Малымъ-Ярославцемъ, гдѣ потерпѣлъ значущій уронъ, обратился въ бѣгство, и сопутствуемъ будучи голодомъ, холодомъ и совершенную во всемъ крайностью, достойно платитъ онъ за слезы поселянъ и обруганіе храмовъ Божіихъ. Поражаемый русскими войсками, неутомимо его преслѣдующими, теряетъ онъ людей, пушки и обозъ въ неимовѣрномъ количествѣ.

Се слѣды усердныхъ молитвъ нашихъ къ Царю-Царей и новое доказательство на милость Всевышняго къ русскому народу. Видя таковымъ образомъ васъ, пришедшихъ въ совершенную безопасность, возобновляю признательность мою за усердіе ваше, толико мнѣ извѣстное, и съ обѣщаніемъ сохранить оную навсегда въ твердой памяти, не оставлю къ сдѣланному уже мною донесенію Государю Императору при удобномъ случаѣ представить въ полной мѣрѣ подвиги ваши, силою коихъ имѣете вы право называться вѣрными

рабами Всеавгустѣйшаго Монарха и достойными сынами Отечества.

Пребуду всегда
вашъ усердный
князь Михаилъ Г.-Кутузовъ.

31 октября, 1812 года
с. Лобково.

Письмо это было доложено Торубаевымъ Думѣ *) въ засѣданіи 24 ноября и выслушано гласными съ глубокимъ вниманіемъ. По прочтеніи его было сдѣлано постановленіе такого рода:

„Оное Его Свѣтлости столь утѣшительное для здѣшняго гражданства письмо, яко Рескриптъ, записать въ сей журналъ и по собранію въ Думу сію здѣшняго гражданства объявить, а между тѣмъ съ него копію, доставя въ здѣшнюю губернскую типографію, напечатать сто или болѣе экземпляровъ, раздать всѣмъ охотно имѣть оныя желающимъ, а г-ну градскому головѣ, съ засѣдающими въ сей Думѣ, отправитца съ Рескриптомъ онымъ въ домъ къ его преосвященству Евлампію, епископу Калужскому, объявя оный просить о принесеніи Господу Богу, Виновнику побѣдъ и одоленія надъ врагомъ Россіи, о здравіи Государя Императора, всей Высочайшей Фамиліи, Его Свѣтлости и побѣдоноснаго Россійскаго воинства, благодарственнаго молебствія, и о прочтеніи Рескрипта того во слышаніе всѣмъ, по выслушаніи молебствія, чтобы поставить оный Рескриптъ въ безсмертный памятникъ и увѣковѣчить для потомственныхъ родовъ гражданъ калужскихъ, во свидѣтельство о чудесномъ спасеніи Калуги, и въ побужденіе дабы потомство во всѣхъ случаяхъ было вѣрно къ вѣрѣ отцевъ своихъ, къ монарху и отечеству. Рескриптъ оный поставить въ рядъ между прочими Высочайше пожалованными здѣшнему городу грамотами и старатца пріискать лучшаго портретнаго живописца, написать Его Свѣтлости изображеніе, поставить вблизи онаго Рескрипта, что и поручить со тщаніемъ исполнить ратману

*) Въ то время Дума состояла изъ шести гласныхъ, по одному изъ каждаго городского сословія. Собиралась она подъ предсѣдательствомъ городского головы. Гласными были: отъ городскихъ обывателей—куп. Петръ Елисѣевъ, отъ куп. всѣхъ трехъ гильдій—куп, Алексѣй Лебедевъ, отъ цеховыхъ—Василій Муромцевъ, отъ посадскихъ (и мѣщанъ)—Пименъ Агеевъ. Кромѣ того въ Думѣ участвовали бургомистры: куп. Ив. Золотаревъ и Пахомовъ и ратманъ Фаддей Лычковъ.

Фадею Лычкову. Къ Его Свѣтлости написать благодарственное отъ общества письмо, отправить съ нарочнымъ. Причемъ, такъ какъ Его Свѣтлость съ арміею находитца уже въ губерніи Смоленской и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ едва-ли порядочныхъ съѣстныхъ припасовъ сыскать возможно, отправить хлѣбъ и вины или что пристойнее, оставя въ волю и распоряженіе градскаго головы. За всемъ же симъ оное его Свѣтлости письмо припечатать въ Северной газетѣ".

Подписали журналъ: *Іванъ Меншой Торубаевъ* и гласные.

Въ теченіе слѣдующаго ноября мѣсяца преслѣдованіе отступавшей арміи русскими войсками продолжалось съ такимъ же успѣхомъ, какъ и раньше. 2-го ноября Наполеонъ изъ Смоленска съ корпусами вице-короля, гвардіей и Даву, а Кутузовъ изъ Щелканово съ войсками Милорадовича, гр. Остермана и друг. направились къ г. Красному, гдѣ 5 ноября, произошло упорное сраженіе, стоившее французамъ большихъ потерь: убито, ранено и взято въ плѣнъ: 2 генерала, 52 офицера, болѣе 9 тыс. нижнихъ чиновъ; кромѣ того взято 70 орудій, 3 знамя, 3 штандарда и большой обозъ, въ которомъ находился маршальскій жезлъ Даву. Съ нашей стороны убито и ранено до 800 челов. Послѣ этого сраженія русскія войска подъ начальствомъ Милорадовича одержали, 6 ноября, блестящую побѣду надъ маршаломъ Неемъ въ то время, когда этотъ сподвижникъ Наполеона, употреблялъ всѣ усилія, чтобы выйдти изъ Смоленска, соединиться съ Даву и тѣмъ оказать поддержку французской арміи, сражавшейся подъ Краснымъ. Почти весь корпусъ его—12 тыс. рядовыхъ, 100 офицеровъ и 27 орудій достались русскимъ. Самому же Нею съ 3 тыс. войска едва удалось ускользнуть отъ плѣна. У насъ убитыми и ранеными оказалось не болѣе 500 человѣкъ.

Чтобы представить себѣ, какъ велики были вообще потери французовъ въ одной только Смоленской губ., которую они только что оставили, видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ городахъ и уѣздахъ, послѣ ухода ихъ, было сожжено 61886 и похоронено 107188 человѣческихъ труповъ, и сожжено 27752 и закопано въ землю 81902 труповъ животныхъ!

Послѣ пораженія при Красномъ Наполеонъ съ разбитыми корпусами вице-короля, Даву, гвардіей и остатками корп. Нея, отправился по дорогѣ къ г. Оршѣ, на Днѣпрѣ, куда и прибылъ 8 ноября. Вскорѣ однако онъ долженъ былъ оставить этотъ городъ, такъ какъ за нимъ слѣдовалъ Платовъ. Кромѣ того въ тотъ же день направился туда же къ Днѣпру и самъ Кутузовъ, который остановился на бер. рѣки въ с. Копысовѣ для дальнѣйшихъ распоряженій и дѣйствій.

Кн. Кутузовъ, одерживая побѣды, не забывалъ однако, что онъ обязанъ во многомъ своимъ успѣхамъ русскому народу, въ особенности крестьянамъ Московской и Калужской губерніи. Поэтому онъ просилъ Государя объ изъявленіи имъ особеннаго благоволенія. „Съ мученическою твердостью, писалъ Кутузовъ Государю, переносили они всѣ удары, сопряженные съ нашествіемъ непріятеля, скрывали въ лѣса свои семейства и малолѣтнихъ дѣтей, а сами вооруженные искали пораженія непріятеля; присоединялись къ партизанамъ и весьма имъ способствовали въ истребленіи врага. Можно безъ преувеличенія сказать, что многія тысячи непріятеля истреблены крестьянами".

Государь однако не ограничился исполненіемъ просьбы Кутузова, а издалъ 3 ноября, въ день побѣды подъ Краснымъ, извѣстный манифестъ, обращенный ко всему русскому народу, въ которомъ участіе московскихъ и калужскихъ крестьянъ выдѣлялось какъ особенно отличившихся и потерпѣвшихъ во время войны.

Далѣе отступленіе французской арміи, направлявшейся къ Вильнѣ, было еще болѣе ужасно. Приближаясь къ р. Березинѣ Наполеонъ съ своею голодною и разстроенною арміею, почти безъ конницы и артиллеріи шелъ на явную гибель. Впереди его въ Борисовѣ на Березинѣ и за этою рѣкою стояла боевая Дунайская армія, пришедшая изъ Турціи, съ тыла неутомимо преслѣдовали его Платовъ, Милорадовичъ и Ермоловъ, слѣва тѣснилъ и гналъ его самъ Кутузовъ, а справа стоялъ гр. Витгенштейнъ. Къ довершенію отчаяннаго положенія непріятельской арміи, послѣ сильныхъ морозовъ, доходившихъ до 20—25°, наступила оттепель, тронулся ледъ на Березинѣ и переправа черезъ нее сдѣлалась почти невозможною. Тѣмъ не менѣе французы рѣшили 15—16 ноября перейти ее при д. Сту-

дянкѣ; построили мосты, отыскали броды и двинулись на другой берегъ подъ убійственнымъ огнемъ русской артиллеріи и пѣхоты. Наполеонъ съ частью своихъ корпусовъ однако успѣлъ перейти рѣку, но почти половина его войскъ, пришедшихъ къ переправѣ, или погибли подъ картечнымъ огнемъ и подъ штыками и пулями русскихъ, или была взята въ плѣнъ; послѣднихъ насчитывалось до 20 тыс. Кромѣ того непріятель лишился почти всей артиллеріи и обозовъ, въ которыхъ найдены были разныя цѣнности, похищенныя въ Москвѣ.

На другой день послѣ Березинской переправы за оттепелью наступилъ жестокій морозъ, который съ каждымъ днемъ усиливался и дошелъ до 25—30°, такъ что сталъ нестерпимъ даже для русскихъ солдатъ. Можно себѣ представить, что переносили солдаты французской арміи плохо одѣтые и полуголодные! Они костенѣли отъ холода, гибли тысячами и своими трупами устилали дорогу отъ Березины до Вильны. Въ этомъ городѣ Наполеонъ хотѣлъ остановиться и привести въ порядокъ разсѣянныя войска, но не смогъ этого сдѣлать и, не доходя Вильны, въ мѣстечкѣ Сморгоняхъ, онъ покинувъ своихъ злополучныхъ сподвижниковъ—маршаловъ и вице-короля, 24 ноября вечеромъ отправился черезъ Ошмяны въ Вильну и оттуда заграницу, въ Парижъ. Командованіе остатками осиротѣлой арміи онъ поручилъ Мюрату. Войска, узнавъ объ отъѣздѣ Наполеона возмущались его поступкомъ и кричали: „Онъ бѣжитъ какъ изъ Египта, оставляя насъ на жертву“. Генералы, офицеры и солдаты, по примѣру своего повелителя также готовы были бѣжать, такъ какъ они думали только о томъ, чтобы спасти свою жизнь, а уже не одерживать побѣды. Поэтому въ плѣнъ сдавались тысячами, оружіе, орудія и обозы бросали. Между тѣмъ наши генералы, пользуясь безвыходнымъ положеніемъ непріятеля продолжали наступленіе со всѣхъ сторонъ и преслѣдованіе по всѣмъ направленіямъ, встрѣчая лишь небольшое сопротивленіе. 27 и 28 ноября нашими отрядами была занята Вильна, изъ которой однако успѣли выѣхать Мюратъ съ Бертье въ каретѣ, а за ними, окутанные до ушей кто въ чемъ могъ, Даву, вице-король, Мортье, Лефебръ, Бесьеръ, а за ними гвардія и Ней съ остатками арріергарда. По сторонамъ войскъ тащились впереди и сзади безоружные.

По дорогѣ ихъ атаковывали отряды гр. Орлова-Денисова и Платова, забирали въ плѣнъ, сопротивляющихся—клали на мѣстѣ. Въ Вильнѣ захвачено въ плѣнъ 7 генераловъ, 18 штабъ и 224 оберъ-офицеровъ и до 10 т. нижнихъ чиновъ. Въ госпиталѣ больныхъ найдено до 6 тыс. Въ городѣ непріятель оставилъ большіе запасы хлѣба (ржи 14 т. и муки 5 т. четв.), аммуниціи, предметовъ вооруженія и проч. имущества. Все это не было имъ уничтожено лишь потому, что занятіе города было произведено ген. Чаплицомъ чрезвычайно быстро.

30 ноября вечеромъ кн. Кутузовъ вступилъ въ Вильну и остановился въ замкѣ. Онъ тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе о дальнѣйшихъ преслѣдованіяхъ Мюрата, кн. Шварценберга, Макдональда и Ренье, по намѣченному имъ плану. Въ это время у него подъ ружьемъ было 86 тыс. челов. и 533 орудія. Платовъ преслѣдовалъ Мюрата отъ Вильны до Ковно, въ который въѣхалъ 3 декабря. Въ этомъ городѣ, какъ и въ Вильнѣ, найдены были большіе запасы хлѣба, до 30 т. новыхъ ружей, множество ящиковъ съ зарядами, патронами и другія военныя принадлежности. Изъ главной арміи Наполеона, перешедшей Нѣманъ, строевыхъ войскъ осталось всего лишь 1500 чел., 9 орудій и нѣсколько тысячъ безоружныхъ; всѣ они разсѣялись за рѣкою въ восточной Пруссіи. Корпуса же кн. Шварценберга и Ренье, преслѣдуемые слабыми нашими отрядами, 14 декабря перешли за р.р. Наревъ и Бугъ и удалились въ Австрію и Пруссію; прусскій же корпусъ Макдональда, шедшій изъ Митавы въ Тильзитъ, послѣ нѣсколькихъ упорныхъ столкновеній съ отрядомъ Дибича, отошелъ 15 декабря къ Тильзиту, въ предѣлы Пруссіи.

Вотъ въ это время кипучей военной дѣятельности кн. Кутузовъ нашелъ время изъ Вильны отвѣтить калужанамъ, въ лицѣ купеческаго общества, на письмо посланное ему отъ этого общества. Письмо Кутузова слѣдующаго содержанія:

Калужскому купеческому обществу.

Въ спокойствіи вашемъ я пріемлю живѣйшее участіе и сердечно радуюсь безопасности, въ каковой нынѣ жители Калуги въ мирныхъ жилищахъ своихъ, подъ покровомъ Ав-

густѣйшаго Монарха нашего имѣютъ свое пребываніе, къ молитвамъ вашимъ и благодарности Всевышнему присоединяю свою, прося его и впредь сохранить край сей съ равнымъ благословеніемъ. Благодарю васъ душевно за ту признательность, каковою наполнено письмо ваше; я щастливъ, предводительствуя русскими. Но какой полководецъ не поражалъ враговъ, подобно мнѣ, съ симъ мужественнымъ народомъ! Благодарите Бога, что вы русскіе; гордитесь симъ преимуществомъ и знайте, чтобъ быть храбрымъ и быть побѣдителемъ, довольно быть только русскимъ.

Освобожденіе Польши и истребленіе врага есть плоды благоволенія къ намъ Всевышняго Бога; храмы наши, пострадавшіе временно примѣрнымъ обруганіемъ и расхищеніемъ до основанія гонителями православной вѣры, достойно отомщены, и намъ осталось одно, утвердить себя въ законѣ и молитвѣ къ Царю Царей, благоволившему оружію нашему открыть путь къ столь блестящей славѣ, съ обѣщаніемъ сохранить навсегда въ твердой памяти труды ваши, подъемлемые на пользу Россійскаго воинства, обнаруживающіе истинное усердіе и преданность къ престолу.

Пребуду навсегда

вашъ усердный

князь Михаилъ Г.-Кутузовъ.

Декабря 5 дня, 1812 г.
г. Вильна.

Купеческое общество, получивъ съ нарочнымъ настоящее письмо, немедленно, 27 декабря, также доложило его на собраніи Думы, которая, въ знакъ „своей искренней благодарности и глубокаго высокопочитанія къ избавителю ихъ града“, постановила: 1) Въ первый день новаго 1813 года, по прочтеніи въ соборѣ письма, отслужить молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ и провозглашеніемъ многолѣтія Царствующему Дому, знаменитому вождю и побѣдоносному русскому воинству, и затѣмъ просить преосвященнаго совершить крестный ходъ; 2) Въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ, находившихся въ городскихъ госпиталяхъ, въ числѣ около 8 тыс. человѣкъ, выдать изъ общественныхъ средствъ 5 тыс. рублей. Кромѣ того отъ имени городского общества рѣшено снабдить тяжело раненыхъ и больныхъ тулупами и полушубками, на сумму 7500 руб.

Тогда же городской голова Торубаевъ, всегда проявлявшій особенныя заботы о нуждахъ бѣдныхъ гражданъ, отдалъ навсегда въ полное распоряженіе Думы свой новый каменный двухъэтажный „весьма пространный“ домъ, доходы съ котораго предназначались имъ на содержаніе извѣстнаго числа бѣдныхъ и престарѣлыхъ жителей Калуги. Затѣмъ было постановлено: просить кн. Кутузова-Смоленскаго разрѣшить гражданамъ просить высочайшее соизволеніе на то, чтобы во время богослуженія на эктеньяхъ, послѣ Императорской фамиліи, было произносимо и имя свѣтлѣйшаго князя.

Такъ глубоко понимали и достойно оцѣнили заслуги кн. Кутузова передъ Калугой современные ему граждане ея!

Императоръ Александръ, видя блестящіе успѣхи своей арміи и находя, что присутствіе его въ столицѣ не вызывается необходимостью, отправился въ Вильну, куда и прибылъ 10 декабря. Здѣсь онъ достойно наградилъ Кутузова, пожаловавъ ему орденъ Георгія 1-й степени. Нѣсколько ранѣе, передъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга, въ память освобожденія имъ Смоленска и битвы подъ Краснымъ, государь наградилъ престарѣлаго полководца титуломъ „Смоленскаго“, такъ что съ этого времени онъ именовался уже кн. Кутузовымъ-Смоленскимъ. Вотъ въ это время онъ и испросилъ у Государя награду Торубаеву, которую послѣдній получилъ при слѣдующемъ письмѣ:

Государь мой
Иванъ Викуличъ!

Отличное усердіе ваше къ престолу Августѣйшаго Государя Императора и ревность къ благу общему неоднократно мною встрѣчаемую, доводилъ я до свѣдѣнія Монарха и его Императорское Величество высочайше соизволилъ пожаловать вамъ золотую медаль съ надписью „за усердіе“ на владимірской лентѣ, которую при семъ къ вамъ для возложенія доставляю.

Пребуду навсегда
вашъ государь мой
усердный князь Михаилъ К.-Смоленскій.

Декабря, 1812 года
въ Вильнѣ.

Почти до конца декабря главная квартира русской арміи находилась въ Вильнѣ, а отдѣльные отряды ея продолжали преслѣдовать непріятеля въ разныхъ мѣстахъ, выгѣсняя его изъ предѣловъ Россіи за границу. Такъ бар. Сакенъ преслѣдуя корпусъ ген. Ренье до Буга, 20 декабря взялъ въ плѣнъ до 1000 чел., при чемъ такое же количество солдатъ больныхъ и раненыхъ было подобрано въ разныхъ мѣстахъ. 21 декабря кн. Кутузовъ отдалъ по арміи приказъ, въ которомъ говорится, что „перейдемъ границы и потщимся довершить пораженіе непріятеля на собственныхъ поляхъ его". Въ день Рождества Государь издалъ два извѣстныхъ манифеста. Въ первомъ выражается благодарность Господу Богу за избавленіе Россіи отъ враговъ, а во второмъ — намѣреніе создать въ Москвѣ, въ память побѣдъ надъ врагомъ, храмъ во имя Христа Спасителя. „Да курится въ немъ передъ святымъ престоломъ Божіимъ кадило благодарности позднѣйшихъ родовъ, вмѣстѣ съ любовію и подраженіемъ къ дѣламъ ихъ предковъ",—говорится въ манифестѣ. Въ тотъ же день Государь отдалъ приказъ по войскамъ, въ которомъ упоминается о ихъ храбрости и терпѣніи и о томъ, что „уже нѣтъ ни одного непріятеля на землѣ нашей", а также содержится наставленіе, какъ должны вести себя русскіе въ войнѣ за границею. „Должность воина есть быть храбрымъ въ бояхъ и кроткимъ во время переходовъ и пребываній въ мирныхъ земляхъ. Вы видѣли въ землѣ нашей грабителей, расхитившихъ домы невинныхъ поселянъ. Вы праведно кипѣли на нихъ гнѣвомъ и наказали злодѣевъ. Кто же захочетъ имъ уподобиться? Если кто паче чаянія таковый сыщется, да не будетъ онъ русскій, да исторгнется изъ среды васъ!" Таковы замѣчательныя выраженія приказа.

На пути за границу, когда русскія войска находились въ Польшѣ, кн. Кутузовъ изъ мѣстечка Раціонжъ (теперь поселокъ Серпецкаго у., Плоцкой губ.), написалъ 23 января, на имя городского головы, такое письмо:

Государь мой
Иванъ Викуличъ!

Послѣдній поступокъ Калужскаго купеческаго общества, а въ особенности вашъ, государь мой, достигъ уваженія

всѣхъ истинныхъ сыновъ Россіи. Я не нахожу словъ, чтобы изъявить совершенно сердечную мою благодарность. Сердце ваше, преисполненное любовію къ Всеавгустѣйшему Монарху и Отечеству, въ состояніи сказать, что чувствуетъ престарѣлый вождь русскихъ, видя въ соотечественникахъ своихъ таковое усердіе и готовность въ оказаніи помощи страждущему человѣчеству. Столь знаменитыя дѣла гражданъ вашихъ, о коихъ неоднократно имѣлъ я щастіе доносить Его Императорскому Величеству, безпредѣльное вниманіе къ старику, который, исполняя долгъ свой, имѣлъ случаи пріобрѣсти любовь вашу и довѣренность, обязываютъ меня, запечатлѣвъ сіе навсегда въ сердцѣ, предать къ незабвенной памяти и въ родъ мой.

Намѣреніе ваше испросить у Его Императорскаго Величества позволеніе поминать меня на эктеньяхъ при отправленіи божественной службы, я покорнѣйше прошу оставить: усердная служба наша къ отечеству не даетъ права желать равныхъ почестей, каковыя издревлѣ предоставлены одной только фамиліи нашихъ государей. Есть ли вы думаете, что дни мои полезны для Россіи, то обратите молитвы ваши къ Господу силъ, управляющему судьбами царствъ, да ниспошлетъ благословеніе свое свыше на храбрыхъ нашихъ воиновъ и на того, который за особенное удовольствіе почитаетъ называться вашимъ доброжелательнымъ и усерднымъ

Князь Михаилъ К.-Смоленскій.

Генваря 23 дня,
1813 года
м. Раціонжъ

Калужское купечество и горожане очевидно были счастливы и рады, что военная гроза прошла мимо Калуги и что этому они обязаны кн. Кутузову и его сподвижникамъ. Но они знали также, что и ближайшіе совѣтники Государя не мало сдѣлали, чтобы дать тотъ или другой оборотъ войнѣ. Однимъ изъ такихъ совѣтниковъ былъ состоящій при особѣ Государя кн. Петръ Михайловичъ Волконскій. Этому сановнику калужское общество прислало въ Раціонжъ въ знакъ благодарности за особыя заслуги передъ отечествомъ. подарокъ (въ чемъ состоялъ онъ—

неизвѣстно). На такую любезность кн. Волконскій отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ на имя городского головы.

Государь мой
Иванъ Викуличъ!

Я имѣлъ честь получить подарокъ, поднесенный мнѣ отъ вашего общества. Таковое усердіе ставитъ меня въ пріятный долгъ изъявить вамъ мою искреннюю благодарность. Калужскіе граждане въ теченіи нынѣшней кампаніи, поступками своими, въ лицѣ всего отечества заслужили общую признательность. Поздравляю васъ съ сею честью. Я пребуду навсегда

вамъ преданный и доброжелательный
князь Петръ Волконскій.

Генваря 23 дня, 1813 г.
м. Раціонжъ.

Въ то же самое время Торубаевъ получилъ отъ состоящаго при Государѣ адмирала Шишкова такое письмо:

Господину Калужскому градскому головѣ
Торубаеву.

Его Императорское Величество всемилостивѣйше повелѣлъ мнѣ за присланные къ нему съ купцомъ Рябчиковымъ дары, состоящіе изъ разныхъ рыбъ, свѣжей икры и огурцовъ объявить вамъ, господину головѣ и Калужскому купечеству, высочайшее благоволеніе; присланному же пожалованъ бриліантовый перстень.

Государственный Секретарь
Александръ Шишковъ.

23 января, 1813 г.
Главн. кв. м. Раціонжъ.

Мы видѣли раньше, что городской голова И. В. Торубаевъ подъ вліяніемъ общаго радостнаго настроенія по случаю освобожденія Россіи отъ присутствія въ ней непріятеля, пожертвовалъ свой каменный домъ для благотворительныхъ цѣлей. Это пожертвованіе было доведено

до свѣдѣнія Государя Императора, который и осчастливилъ Торубаева присылкою слѣдующаго рескрипта:

Калужскому градскому Головѣ Торубаеву.

За ваше извѣстное Намъ усердіе и труды вознаградили Мы васъ золотою медалью. Но вы послѣ того къ успокоенію Калужскихъ неимущихъ, престарѣлыхъ и больныхъ, пожертвовали двухъэтажный домъ свой, отдавъ оный навсегда въ распоряженіе Калужской градской Думѣ. Признавая таковое усердіе ваше къ общему благу похвальнымъ, изъявляемъ вамъ Наше благоволеніе.

АЛЕКСАНДРЪ.

26 генваря, 1813 года
Платенъ.

Въ заключеніе приведемъ здѣсь два документа, которые еще разъ доказываютъ, съ какимъ вниманіемъ кн. Кутузовъ относился къ нуждамъ калужскихъ жителей, такъ или иначе пострадавшимъ во время войны. Въ то время, когда наша армія находилась за границей, въ Силезіи, главная квартира ея была въ городѣ Бунцлау, гдѣ 16 апрѣля умеръ Кутузовъ. Отсюда кн. П. Волконскій, по повелѣнію Кутузова, послалъ Торубаеву слѣдующее письмо:

Господину Калужскому городскому головѣ Торубаеву.

По повелѣнію Его Свѣтлости г. генералъ-фельдмаршала главнокомандующаго арміями препровождаю вамъ при семъ копію съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества указа, состоявшагося во 2-й день апрѣля на имя г. сенатора Каверина, по принесенной вами просьбѣ о облегченіи мѣщанъ города Калуги въ рекрутской повинности.

Генералъ-адъютантъ князь Волконскій.

7 апрѣля, 1813 года.
Главн. кв. г. Бунцлау,
въ Силезіи

Копія этого указа слѣдующая:

Господину сенатору управляющему губерніями Смоленской и Калужской Каверину.

Пріемля въ уваженіе засвидѣтельствованія главнокомандующаго арміями нашего генералъ-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго о томъ, что мѣщане города Калуги болѣе прочихъ участвовали въ тягостяхъ настоящей войны, такъ что нѣкоторые изъ нихъ даже и понынѣ остаются отлученными отъ домовъ по надобностямъ казеннымъ, повелѣваемъ: исключить на сей разъ изъ счета показанныхъ по послѣдней ревизіи мѣщанъ г. Калуги умершихъ послѣ оной и отлученныхъ по надобностямъ казеннымъ, произвести наборъ рекрутъ по манифесту 30-го ноября прошлаго 1812 года, съ того только числа мѣщанъ, которое останется за вышеозначеннымъ исключеніемъ.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

АЛЕКСАНДРЪ.

Апрѣля 2 дня, 1813 года.

Заключеніе. Всѣ приведенныя здѣсь письма кн. Кутузова доказываютъ, что великій полководецъ во все время отступленія Наполеона изъ Москвы постоянно слѣдилъ за движеніемъ его арміи и особенно обращалъ вниманіе на Калугу, какъ на важный стратегическій пунктъ, подлежащій охранѣ. Мы видѣли также, что Наполеонъ еще въ Москвѣ, при составленіи плана отступленія изъ нея, считалъ Калугу городомъ особенно для него важнымъ, такъ какъ овладѣвъ имъ, онъ легко могъ овладѣть и беззащитной Тулой съ ея обширнымъ уже въ то время оружейнымъ заводомъ, или Брянскомъ съ его арсеналомъ и мастерскими. Богъ знаетъ, какой бы оборотъ приняла война, если бы Кутузовъ, послѣ Малоярославецкаго сраженія, не сталъ на защиту пути, ведущаго изъ этого города въ Калугу.

Тогдашняя Калужская городская Дума, въ лицѣ своихъ шести гласныхъ со своимъ уважаемымъ „грацкимъ главой“ И. В. Торубаевымъ, отлично сознавала, что только благодаря искусству, твердости и дальновидности опытнаго въ бояхъ главнокомандующаго, Наполеонъ оставилъ путь на Калугу. Сознавая это, калужане того времени и и назвали Кутузова „спасителемъ“ ихъ города, что оффиціально закрѣплено въ думскихъ постановленіяхъ. Мы видѣли также, что они, какъ умѣли и могли, выражали свою благодарность князю. Такъ между прочимъ они привели въ исполненіе постановленіе Думы и помѣстили въ залѣ ея его портретъ, который до сихъ поръ находится тамъ среди портретовъ царствовавшихъ особъ.

Но затѣмъ послѣдующія поколѣнія представителей города, до современныхъ намъ включительно, отнеслись къ памяти и заслугамъ „спасителя“ Калуги болѣе, чѣмъ небрежно. Такъ, письмо Кутузова отъ 31 октября изъ Лобково, названное современниками „яко Рескриптъ“, не только не было поставлено въ „рядъ съ протчими Высочайше пожалованными здѣшнему городу грамотами“, но, какъ оказалось, совсѣмъ было забыто. На сколько основательно забыли какъ это письмо Кутузова, такъ и другое его же письмо къ калужскому купеческому обществу, доказываетъ тотъ фактъ, что, когда два года тому назадъ, случайно, въ одномъ изъ засѣданій Думы, вспомнили о нихъ, то оказалось, что письма, вмѣстѣ съ другими важными

для города историческими документами, покоятся на днѣ денежнаго сундука городской управы,—въ помѣщеніи, далеко не соотвѣтствующемъ достоинству документовъ и ни сколько не обеспечивающемъ ихъ сохранность. Доказательствомъ послѣдняго служитъ тотъ фактъ, что изъ семи писемъ Кутузова дошло до насъ только два, изъ двухъ писемъ Милорадовича—одно; писемъ кн. Волконскаго и Шишкова не сохранилось вовсе. Подлежали-ли эти письма храненію въ прежнемъ магистратѣ или, впослѣдствіи, при преобразованіи городскихъ учрежденій, въ городской управѣ,—вопросъ остается открытымъ.

Скоро наступитъ время празднованія столѣтняго юбилея Отечественной войны. Калужская губернія, въ предѣлахъ которой, какъ мы знаемъ, произошли два важныхъ событія—Малоярославецкое и Тарутинское сраженіе,—изъ которыхъ первое имѣло громадное вліяніе на исходъ войны,—конечно приметъ участіе въ юбилейныхъ торжествахъ. Намъ извѣстно, что предстоящія торжества будутъ носить, такъ сказать, всероссійскій характеръ, какъ воспоминаніе о той славной эпохѣ, когда Россія, жертвами и мужествомъ своего народа, не только сама справилась съ величайшимъ завоевателемъ почти цѣлой страны свѣта— Европы, но освободила отъ него и порабощенные имъ народы ея.

Въ Калугѣ къ этому времени будетъ открытъ народный домъ, въ Малоярославцѣ—освященъ соборъ; но это будутъ только достойные памятники Отечественной войны.

Намъ же, жителямъ Калуги и Калужской губ., предки которыхъ принимали такое близкое участіе въ этой войнѣ, помимо присоединенія къ общимъ торжествамъ, слѣдовало бы почтить память великаго героя Отечественной войны, кн. Кутузова, недопустившаго на губернію дальнѣйшаго „нашествія двунадесяти языкъ“ и спасшаго отъ него Калугу—особо. Тогда только мы загладимъ тотъ грѣхъ, который совершили передъ этой памятью—забыли, чѣмъ нашъ городъ обязанъ этому знаменитому вождю русской арміи.

Замѣтимъ здѣсь, что въ наглядномъ признаніи заслугъ Кутузова передъ отечествомъ мы отстали даже отъ иностранцевъ. Уже въ 1819 году въ Пруссіи, въ г. Бунцлау, гдѣ онъ умеръ, былъ поставленъ ему великолѣпный монументъ, а послѣ того, въ непродолжительномъ

времени близь того же города—другой памятникъ. У насъ же въ Россіи, кромѣ монумента Кутузова въ Петербургѣ, нигдѣ не имѣется еще памятника, воздвигнутаго въ его честь.

Ввиду этого нашей Архивной Комиссіи, какъ учрежденію изучающему и хранящему памятники прошлаго Калужской губерніи, должна принадлежать иниціатива въ дѣлѣ увѣковѣченія памяти и заслугъ передъ нашимъ городомъ и губерніей—кн. Кутузова-Смоленскаго.

Прибавленіе.

Извлеченіе изъ журнала засѣданія Калужской Ученой Архивной Комиссіи отъ 15 декабря 1911 года.

Предсѣдательствовалъ предсѣдатель Комиссіи В. И. Ассоновъ, присутствовали: почетный членъ Комиссіи Преосвященный Александръ, епископъ Калужскій и Боровскій, дѣйствительные члены: прот. А. А. Преображенскій, Н. С. Кашкинъ, Н. П. Флеровъ, Е. И. Трояновскій, А. И. Пульхеровъ, Д. С. Соколовъ, П. П. Добромысловъ, Д. И. Малининъ, Е. С. Еремѣевъ, М. П. Носковскій, Ф. М. Шахматовъ, К. Ф. Домановъ, Е. В. Бараковъ, Ф. В. Вашковъ, В. Н. Халаевъ, прав. дѣлъ Ф. Ф. Кадобновъ и, въ качествѣ гостя, горн. инж. д. с. с. Д. П. Богдановъ.

Предметы занятій.

2. В. И. Ассоновъ сдѣлалъ докладъ: „Кутузовъ и Калуга“, поводомъ къ которому послужило изданіе настоящихъ писемъ. Докладчикъ доказалъ, на основаніи фактовъ, почерпнутыхъ изъ общихъ сочиненій по исторіи Отечественной войны и изъ мѣстныхъ архивныхъ источниковъ, что Калуга, составлявшая цѣль стремленій Наполеона при отступленіи его изъ Москвы, обязана своимъ спасеніемъ отъ нашествія непріятеля въ 1812 году именно кн. Кутузову, а потому потомки Калужанъ обязаны почтить его память постановкою ему въ городѣ достойнаго памятника.

Послѣ оживленныхъ преній по вопросу о томъ, въ какомъ видѣ должно увѣковѣчить имя кн. Кутузова въ городѣ, Комиссія, большинствомъ голосовъ, постановила: *возбудить вопросъ о постановкѣ кн. Кутузову въ Калугѣ достойнаго памятника и, кромѣ того, выразить пожеланіе, чтобы одна изъ лучшихъ улицъ города была названа его именемъ.* Такое постановленіе признано было необходимымъ немедленно сообщить г. Непремѣнному Попечителю Архивной Комиссіи, Калужскому губернатору и просить его довести о немъ до свѣдѣнія губернскаго земскаго собранія и Калужской городской Думы. *)

*) Засѣдавшее въ это время губернское собраніе было увѣдомлено 17-го, а Городская Дума—19-го декабря.

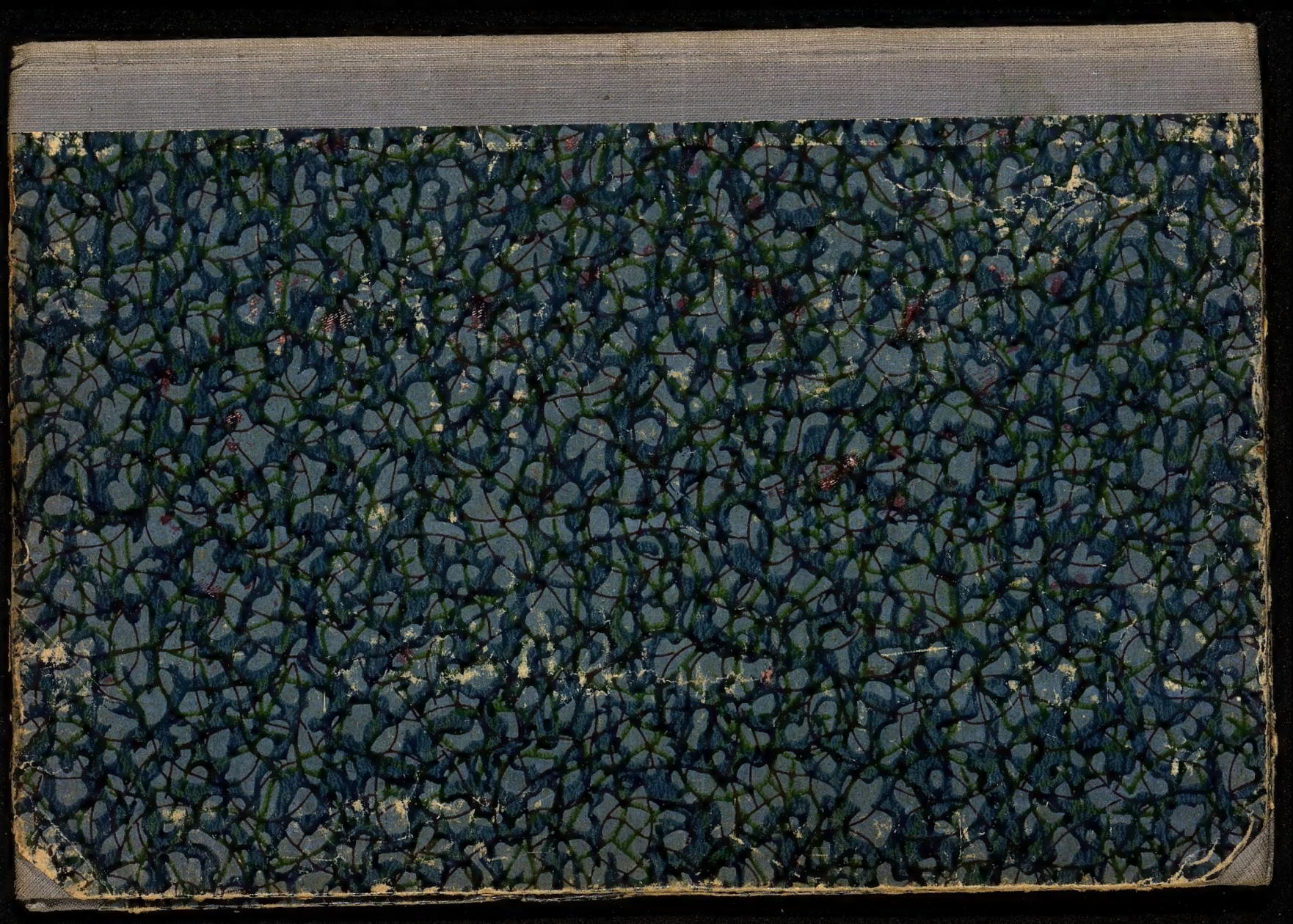
ТОГО-ЖЕ АВТОРА

ПРОДАЕТСЯ:

„1812-й годъ въ Калужской губерніи". ц. 25 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

„Калужское ополченіе въ Отечественную войну".

„Калужская губернія въ 1812 году".

Сборникъ документовъ (около 700).